

Зина — явно моложе своих лет и на роковую женщину совсем не похожа: голубые распахнутые глазки в сеточке мелких морщинок, которые заметны, когда она улыбается, вздёрнутый носик, аккуратный улыбчивый ротик с полными губками (так, уменьшительно, я называю все её черты потому, что они и в самом деле мелковаты); в русых волосах — ни сединки, причём всегда они зачёсаны и увязаны в пучок на затылке, а на висках кудрявятся пушистые завиточки.

Ходит она летом, в отличие от других деревенских женщин, с непокрытой головой, а уж если прикрывает её, то непременно яркой косынкой, чаще — жёлтенькой, с алыми розочками по ней.

Не знаю, со всеми ли она так любезна и приветлива, но мне всегда улыбается и приветствует обязательно первой.

Женщины деревенские, когда «запускают» коров (то есть бросают доить их за месяц до отёла) — а бывает это всегда зимой, — хоть и намораживают перед этим молоко про запас, но нет-нет да и бегают одна к другой попросить свеженького (а заодно и поболтать, имея к тому вполне серьёзный повод); однако к Зине при этом никогда не ходили — брезговали: и волосы-то её собственные можно у неё в молоке найти, и припахивает-то оно навозцем — ленится вымя корове подмыть перед дойкой. Хотя дачники молоко её всё равно разбирали: им, мол, и так сойдёт.

Держала она, пока муж был здоров и мог косить, по две коровы, бойко торговала молоком и здесь, и в городе и любила

прихвастнуть своей оборотистостью — лихо шлёпнет по бедру ладонью, подмигнёт задорно и скажет: «А денежки-то капают!..» И, глядишь, «накапало» у неё сначала на скромный домик сыну в городе, а потом и на хорошую квартиру.

А в общем-то — женщина как женщина. Так бы и прожила, никак не проявившись, свой век за мужем, как за каменной стеной, занимаясь своим огородом и коровами.

Но заболел муж. Где он простудил почки — неизвестно: то ли в тайге, будучи профессиональным охотником, то ли по пьянке, до которой был, пока не заболел, тоже большой охотник. Только заболел он круто; сделали ему в городе серьёзную операцию, да так, что вывели мочеточник сбоку, и отправили домой, и теперь он лежал с банкой, приделанной на боку, на кровати возле печки. Естественно, уход за ним нужен; запах появился.

Пришлось одну корову продать, другую зарезать. У Зины больше времени появилось: переключилась продавать в городе чеснок, да морковку, да зелень разную; только вот крепко привязывали её к дому, не давали развернуться хлопоты о больном муже.

И это ей, видно, слегка поднадоело; наложила она однажды вечером полную печку дров, а меж дровами засунула все, какие были, мужнины охотничьи боеприпасы и поехала к сыну в город с очередной сумкой чеснока на продажу.

Муж утром лежал, лежал, замёрз, встал — он кое-как ходил по избе вместе с банкой на боку, — затопил печку и тут же вышел по нужде из избы — баночку опростать, а в печке в этот момент и бабахни; от печки лишь куча кирпичей осталась. Только потому и остался жив, что вышел на минуточку.

Вечером Зина приезжает и — голубые глазки навькат: ах-ох, что случилось? А муж даже побить её не может: сил нет.

Но сошла ей с рук проделка: ближайшая власть — в большом селе за пятнадцать километров, милиции не дозовёшься, да и кому охота связываться с милицией? Соседи же только головами покрутили: «Ну Зи-инка!»

А муж её, протянув ещё месяца два, всё же умер. Правда, своей смертью, хотя кто знает, что претерпел он тогда в полной дыма избе, дрожа от холода и исходя бессильной злобой, и насколько это придвинуло его конец?..

Прошло с год, и жила это время Зина одна. А тут сосед её, бравый ещё пенсионер, жену похоронил.

Новоиспечённый бобыль горевал: сорок лет — душа в душу, большое хозяйство осталось на одного — огород, лошадь, корова, тёлка, подсвинок, куры... И Зина наладилась помогать бобылю корову доить. А вскоре и совсем к нему перебралась... Бобыль, отгоревав, достал со шкафа забаву молодости — гармонь, и пошла у них весёлая жизнь.

Я как-то вечером зашёл к нему попросить назавтра лошадь, дрова вывезти, — сидят за столом, пьяненькие и весёлые оба: он, потный, красный, в новой зелёной рубашке, на гармонии наяривает; она, в розовой кофточке с блёстками, — рядышком, расплывшись в улыбке; в волосах — алые бантики; щёчки полыхают — не то нарумянила, не то сами разгорелись. Как там оперная Кармен поёт? «Любовь всесильна. Всех чаруя...»? Ещё и меня в пьяном задоре за стол тянули, да я отказался — без меня им было куда веселей и свободней.

Под эту весёлую жизнь они съели сначала кур, потом подсвинка, потом он зарезал большую огулявшуюся тёлку, потом продал лошадь, а потом — и корову... А через полгода бравый этот пенсионер умер с перепоя: сердце не выдержало перегрузки.

Съехались дети пенсионера — и давай Зину трясти: у отца была сберкнижка — где она? Где деньги за корову? Где — за лошадь?.. К тому же оказалось, что она успела ещё и дом его на себя оформить. Еле-еле удалось им дом отстоять. А денег так и не нашли — как в воду канули...

После этого она перебралась в город, к сыну. В Таловку теперь наезжает только весной и летом: посеять, а потом убрать и увезти овощи.

В городе у неё уже целое «дело» — овощная палатка; я знаю, где эта палатка, и когда прохожу мимо, мы здороваемся; Зина стоит, краснощёкая и улыбчивая, в шубе и сапогах, и никакой мороз её не берёт... И как увижу её — тут же сразу вспоминаю, как она лихо бьёт ладонью по бедру и говорит звонко и задорно: «А денежки-то капают!»

От редакции:

Поздравляем Александра Ивановича с 80-летием! Желаем крепкого здоровья и творческого долголетия! Ждём новых его книг и публикаций в журналах.